

ТРУДЫ ВТОРОЙ СЕССИИ
АССОЦИАЦИИ АРАБИСТОВ

19—23 октября 1937 г.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
АКАД. И. Ю. КРАЧКОВСКОГО

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ, вып. XXXVI

И. Ю. КРАЧКОВСКИЙ

АРАБИСТИКА В СССР ЗА 20 ЛЕТ¹

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ. ОБЪЕМ ОБЗОРА

Арабистика — понятие шаткое и отживающее в такой же мере, как и более широкое понятие востоковедения. Однако, при малой дифференциации и разработанности отдельных научных дисциплин в этой области, оно еще очень долго будет служить удобным и понятным термином, вызывающим вполне определенные представления, хотя не без труда поддающиеся формулировке. Под научной арабистикой, с начала ее возникновения еще в XVII в., понималась обыкновенно арабская филология приблизительно в том объеме, который в своей области был определен ее учительницей — античной филологией. В настоящее время этот объем значительно расширился: теперь под научной арабистикой мы разумеем весь комплекс общественных наук в той их части, которая исходит из разработки арабских материалов. Область ее, таким образом, и шире и уже, чем изучение арабских стран в их прошлом и настоящем, особенно в обычном, ходячем представлении. Изучение арабских источников для истории народов СССР, например, с полным правом входит одной стороной в область арабистики, хотя в основном это — дело историков соответствующих эпох и стран. Арабистика может заниматься исследованием эволюции арабской математики, входя здесь в соприкосновение с историей науки. Со временем арабистика волеется как составная часть, в соответствующие дисциплины: при настоящем положении, представляя собою комплекс с не вполне дифференцированными частями, она может сохранять свое удобное название с тем же правом, как сохраняют его, например, античная филология, германистика и т. д.

В обычных представлениях значение этого термина очень часто совершенно искажается: нередко под арабистикой разумеется практическое владение — прирожденное или усвоенное — арабским языком. Нередко можно, например, читать и слышать о кавказских „арабистах“, причем, как выясняется, имеются в виду представители отдельных кавказских народностей, у которых до революции арабский язык был одним из литературных, иногда даже основным, и которые, пройдя соответствующую схоластическую школу, часто владели им совершенно свободно.

¹ Настоящий обзор был составлен в январе 1937 г. и прочитан полностью на заседаниях Ассоциации арабистов 11 и 23 сентября 1937 г.; вторая часть его (главы V—VI) была доложена на заседании второй Сессии арабистов 25 октября и, с незначительными изменениями, повторена на юбилейном заседании Отделения общественных наук Академии Наук СССР в Москве 23 ноября и на юбилейном собрании Филологического факультета Ленинградского Государственного университета 1 декабря. С некоторыми изменениями, внесенными редакцией, обзор был напечатан без моей корректуры в „Известиях Отделения общественных наук Академии Наук СССР“ (1937, № 5, стр. 1255—1279) и теперь публикуется впервые целиком с мелкими накопившимися дополнениями.

Это обстоятельство само по себе, без знакомства с научными методами, принятыми в определенных областях, конечно, еще не дает права на звание арабиста. В такой же мере нельзя включать в эту категорию лиц, посвящающих свои работы современным арабским странам, если они не считаются с арабскими материалами и соответствующими методами. Категория эта очень обширна: здесь мы найдем и путешественников, и политиков типа Лоуренса или Фильби, и газетных корреспондентов, и авторов многочисленных журнальных статей. Их произведения, иногда сохраняющие исключительное по важности значение, в научную арабистику тем не менее не входят.

Мой обзор будет иметь в виду то понимание, которое было охарактеризовано и которое представляется мне наиболее целесообразным. В основе оно исходит из двух незыблемых критериев — разработки арабских материалов и применения соответствующих научных методов. Обзор этот не имеет в виду ни библиографического принципа, ни библиографической полноты. С достаточной тщательностью библиография по арабистике в СССР до 1927 г. собрана в издании Научной ассоциации востоковедения — „Библиография Востока“, равно как обстоятельно реферирована в трех статьях журнала „Islamica“; полная библиография за 20 лет подготовлена Г. Г. Гульбиным на карточках ко второй сессии арабистов в октябре 1937 г. Настоящий обзор ставит задачей обрисовать в общих чертах состояние арабистики в России к 1917 г., проследить основные линии ее развития в СССР после этого и подвести некоторый итог ее достижениям как в области мировой науки, так и практической работы в своей стране, ограничиваясь, главным образом, теми дисциплинами, которые входят в состав исторического и филологического факультетов университета.

2. СОСТОЯНИЕ АРАБИСТИКИ В РОССИИ К 1917 г. ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ. ПОСОБИЯ И ИЗДАНИЯ

К эпохе Великой Октябрьской социалистической революции русская арабистика едва заканчивала первое столетие своего существования, отстав почти на два века от Западной Европы. Бóльшая близость к Востоку и доступность материала не составили здесь преимущества, при отсутствии научного метода. Условия развития Московской Руси в XVII в. были не таковы, чтобы до нее могли дойти сведения о возникновении на Западе крупных собраний арабских рукописей, об укреплении голландской школы арабистики, организационное значение которой в истории нашей науки оказалось таким длительным и плодотворным. Правда, в XVIII в., около периода основания Академии Наук, стали появляться и у нас отдельные фигуры, приносившие из Европы новые подходы: таков был акад. З. Т. Байер (1694—1738), который изучал семитические языки и привлекал арабские материалы в своих исторических трудах; таков был переводчик Коллегии иностранных дел в Москве Г. Я. Кер (1692—1740), первый в Европе арабист, дешифровавший куфический шрифт, автор замечательного по своему времени проекта Восточной академии. Деятельность их не находила поддержки в окружающей среде и осталась без продолжателей; едва ли кто-нибудь в России мог оценить тот факт, что во второй половине XVIII в. арабистика в Европе не без ожесточенной борьбы превратилась в самостоятельную дисциплину, отказавшись от своей второстепенной роли служанки богословия и библейской экзегетики, вместе с тем укрепив, благодаря античной филологии, принципы текстуальной критики. Политические причины вызвали в конце XVIII в. появление в Петербурге

первого печатного издания Корана, повторенного на пространстве 11 лет (1787—1798) несколько раз. Однако и этот факт, нашедший некоторый отклик на Западе, у нас в арабистике не отразился. Начало ее мы можем датировать только первой четвертью XIX в., когда арабистика впервые в России вошла на кафедру недавно основанных университетов: прежде всего в Казани (1807), где начал свою деятельность знаменитый Х. Д. Френ (1782—1851), несколько позже в Москве (1811), где действовал А. В. Болдырев (1780—1842), питомец германской и французской востоковедной школы, жестоко пострадавший под конец жизни в связи с напечатанием известного „Философического письма“ Чаадаева, и еще позже в Петербурге (1818), где главную роль в создании научной школы сыграл тот же Френ, хотя университетским преподавателем здесь он никогда не был.

Много перемен пережили три основных центра русского востоковедения за XIX в., но показательно, что Великая Октябрьская социалистическая революция застала только три серьезных школы арабистики в тех же городах: Казани, Москве, Петрограде. В двух из них арабистика сосредоточивалась уже не в университете. В Казани у Френа достойных преемников не нашлось; его собственная деятельность здесь была слишком кратковременна, чтобы создать школу, и вскоре после него арабистика в общем комплексе казанского востоковедения заняла подчиненное положение. Когда в конце 40-х годов на кафедре здесь опять появился серьезный арабист с европейским образованием И. Ф. Готвальд (1813—1897), все университетское востоковедение уже клонилось к закату: в 1855 г., с открытием Факультета восточных языков в С. Петербурге, Восточное отделение в Казанском университете было ликвидировано. Впоследствии отдельные кафедры, правда, были здесь восстановлены, но преимущественное внимание уделялось другим отраслям востоковедения и научная арабистика носила провинциальный характер. Не спасло ее укрепление второго востоковедного центра в Казани — в Духовной академии. Созданное со специальными целями так называемое противомусульманское отделение развило, особенно с 70-х годов, усиленную издательскую деятельность и часто имело в своей среде преподавателей арабистов. Конечно, арабская филология здесь ни в какой мере представлена не была: все дело ограничивалось исламоведением, притом в совершенно специфическом аспекте. Отличительной чертой работ этой, довольно многочисленной, школы является почти полное игнорирование исторического метода, смешение теоретических учений и явлений жизни, стремление объяснять из Корана факты современности в мусульманском мире. С европейской научной литературой нового времени представители этой школы были знакомы плохо, обращаясь преимущественно к старой, главным образом полемического или апологетического характера. Миссионерские тенденции не всегда шли у них рука об руку с хорошим знанием первоисточников и их языка. В 80-х годах глава петербургского востоковедения бар. В. Р. Розен потратил не мало труда, разъясняя на страницах основанного им востоковедного органа все несоответствие этих работ современным требованиям научной критики. Для развития нашей арабистики деятельность казанской школы прошла, можно сказать, бесследно. Положительные исключения, конечно, бывали и здесь. Достаточно вспомнить учителя Чернышевского — Г. С. Саблукова (1804—1880), которому принадлежит единственный до сих пор русский перевод Корана с подлинника; нельзя забывать и того, что тоже единственный русско-арабский словарь составлен арабом (П. К. Жузе), получившим образование в Казани, и в Казани же напечатан (1903).

В Москве центром арабистики к Великой Октябрьской социалистической революции оказался тоже не университет, а другое учреждение. После катастрофы с Болдыревым арабистика постепенно замирала, хотя и влачила свое существование еще несколько десятилетий. Для крупнейшего из его преемников П. Я. Петрова (1814—1875), санскритиста по специальности, арабистика была только побочным предметом преподавания. Уже к его времени она стала постепенно переходить в недавно организованные (1872) специальные классы Лазаревского института. Подъем научного уровня в преподавании арабистики происходил здесь, конечно, не сразу: первый профессор — араб Г. А. Муркос (1846—1912) и питомец казанской школы арабист и иранист И. Н. Холмогоров (1825—1891) мало считались с прогрессом западной науки. Перелом наступил к началу XX в., когда стала разворачиваться педагогическая и издательская работа А. Е. Крымского, быстро обеспечившая московской арабистике достойное место и закрепившая за ней определенный облик. Особенно важную роль приобрела его популяризаторская деятельность. Она была посвящена трем основным разветвлениям мусульманского мира — арабам, персам и туркам, но главное внимание уделяла первым. Большинство работ возникло у него из потребностей преподавания и выдерживало по несколько изданий, распространяясь далеко за пределами его непосредственной аудитории и, вообще, учащейся молодежи. Крымский обладал даром вовлекать в научную работу начинающих арабистов с первых же шагов, и не малое количество их работ появилось в печати благодаря ему. Вообще для популяризации науки он сделал больше, чем все предшествующие и современные ему поколения арабистов: можно без преувеличения сказать, что основные научные сведения об арабском мире, которыми располагали неспециалисты до революции, обязаны своим происхождением его работам. Достаточно отметить, что ему принадлежат единственные до сих пор на русском языке общие курсы истории арабского языка и арабской литературы, которые в свое время стояли на уровне всей арабистической науки. Заслуга большая, и она одна обеспечила достойное место московской арабистике в эпоху до 1917 г.

Единственным дореволюционным центром, где научная арабистика в течение всего века не покидала стен университета, оказался Петербург. Обстоятельства сложились так, что Петербург явился и главным центром, получив ту базу, которой не удалось создать в других местах. Одновременно с началом преподавания в университете был основан Азиатский музей (1818), во главе которого стал Френ; в ближайшие же годы было положено начало большому рукописному собранию, которое сразу дало возможность России сравняться с государствами Запада, составлявшими свои коллекции еще с XVII в. Азиатский музей обеспечил арабистов первоклассным материалом для работы не на один, а на несколько веков. Одновременно и в нем и в университете стали складываться серьезные библиотеки по востоковедению, хорошо восполнявшие друг друга. Известное участие в этой работе приняло и основанное около этого времени (1823) „Учебное отделение восточных языков при Министерстве иностранных дел“, хотя, вообще, в развитии арабистики почти за столетнее существование оно серьезного следа не оставило. Однако это отделение сконцентрировало очень хорошее собрание арабских рукописей, которое было единственным в Петербурге обладавшим полным научным описанием. Таким образом уже в 20-х годах база начала создаваться; нашлись и люди с организаторским дарованием. В первой половине века, благодаря Френу, арабистика тяготела не столько к университету, сколько к Азиатскому музею. На

своим примере Френ показал все значение разработки рукописных собраний и могучей рукой выдвинул ту задачу, которая и до настоящего дня является одной из основных тем советской арабистики — изучение арабских источников для истории народов СССР. Планомерная фундаментальная деятельность Френа несколько затенила своеобразную фигуру действовавшего (1822—1847) параллельно с ним в университете О. И. Сенковского, знаменитого барона Брамбеуса (1800—1858), вносившего в арабистику свой темперамент, литературный дар и остроумные теории. Экзотическим цветком на русской почве оказался преемник Сенковского — египетский Шейх Тантави (1810—1861), человек с основательными знаниями и глубоким схоластическим образованием; большую пользу извлекли из него не русские, а финские ученики, показавшие себя в ту эпоху более подготовленными и приходившие с большими самостоятельными запросами. Вторая половина века, со смертью Френа (1851) и открытием Факультета восточных языков (1855), дает окончательный перевес университету, который сохраняет это значение до революции. Крупные деятели в области арабистики появились в нем не сразу, но 70—80-е годы выдвинули скромную фигуру В. Ф. Гиргаса (1835—1887), обеспечившего преподавание прекрасными по своему времени пособиями, и его талантливого ученика бар. В. Р. Розена (1849—1908), крупнейшего, наряду с Френом, арабиста во всей нашей истории, одного из крупнейших востоковедов вообще, влияние которого, благодаря старшим и младшим ученикам его, сказывалось не только до революции, но в значительной мере до наших дней. Уже Гиргас был европейским арабистом в полном смысле слова, а Розен занял одно из первых мест среди своих западных коллег. Как Френ, он уделял большое внимание разработке рукописных собраний Петербурга и некоторых зарубежных центров; как Френ, значительную часть своих трудов он посвятил изучению арабских источников, связанных с восточной Европой, расширив свои интересы и в сторону Византии. Своими исследованиями он систематически подчеркивал, что русская арабистика не является провинциальной, местной наукой, а может с достоинством высказывать суждение по всем вопросам, встающим в мировом масштабе. Благодаря ему окончательно закрепилось у нас университетское значение арабистики. Внимание к ней стало определенно сказываться не только в византиноведении или русской истории: с ней стали считаться и кавказоведение и романистика. В своей собственной области, идя по линиям, в основном намеченным Розеном, петербургская арабистика направлялась преимущественно в сферу истории, истории литературы и исламоведения. Лингвистика почти совершенно отсутствовала, если не считать специальных работ по еврейско-арабской грамматической теории. Объяснялось это, с одной стороны, некоторым отрывом от современного арабского мира с его живыми диалектами, что сказывалось в известной мере в Петербурге после Гиргаса до 900-х годов, а с другой — таким же отрывом от успехов научной семитологии, школу которой не все арабисты считали для себя обязательной. После Розена этот недостаток в некоторой степени начал сознаваться и сглаживаться; в общем же можно сказать, что русская арабистика встретила революцию на тех установках, которые были заложены Розеном.

Вспомогательные средства, которыми эта арабистика располагала к 1917 г., были более или менее достаточны для выполнения намеченных тогда задач. Учебными пособиями она была обеспечена лучше, чем многие другие отрасли востоковедения. Если до 70-х годов приходилось обходиться значительно устаревшей хрестоматией А. В. Болдырева (1824 и 1832), то в 70-х она была заменена совместным трудом В. Ф. Гир-

гаса и В. Р. Розена (1875—1876), который с момента своего появления приобрел почетную известность и популярность, вошел в употребление как одно из лучших пособий в ряде западных университетов и даже теперь сохраняет все свое значение авторитетного и критического подбора текстов при изучении классического языка. Составленный В. Ф. Гиргасом около того же времени (1881) словарь вполне удовлетворял своим задачам и для учебных целей служил надежным руководством. Хуже обстояло дело с грамматикой: первый и единственный опыт систематического научного изложения свойств арабского языка был дан М. Т. Навроцким еще в 1867 г. и совершенно устарел, тем более, что был изложен в очень расплывчатой системе, не всегда стоявшей на уровне даже современной ему науки. Все появлявшиеся после него грамматики составлялись практическими знатоками языка, которые не считались с требованиями семитской филологии и ее научными достижениями. В области истории литературы несколько устарелый очерк В. Гиргаса (1873) был заменен различными трудами А. Крымского; они же восполняли отсутствие общего курса истории арабов, если не считать перевода „Истории ислама“ А. Мюллера (1895—1896), издание которого явилось одной из многочисленных культурных заслуг Л. Ф. Пандтелеева.

Издательские возможности арабистики были невелики, но с ростом науки постепенно расширялись, и 1917 г. застал здесь значительный ряд востоковедных серий, в которых арабистика находила себе место. Руководящим органом в этой области и единственным периодическим изданием являлись „Записки Восточного отделения Русского археологического общества“, основанные (1886) В. Р. Розеном и сохранявшие свое значение некоторое время после революции. Менее регулярно выходили „Древности восточные“ — аналогичный орган Восточной комиссии Московского археологического общества, группировавшей вокруг себя московских востоковедов, а среди них и немногочисленных арабистов. В 1912 г. в Петербурге возникли почти одновременно два периодических органа, в которых находили место арабистические статьи „Мир ислама“ и „Христианский Восток“; первый просуществовал только год, второй прекратился уже после революции на томе VI (1917—1922). Печатались арабистические статьи и в других периодических органах Академии Наук (как например, „Известия“ и „Византийский временник“). Отдельные, обыкновенно крупные работы появлялись в других сериях Академии Наук и в „Изданиях Факультета восточных языков“. Параллельная последним серия „Трудов по востоковедению“, издаваемая Лазаревским институтом в Москве, приобрела очень важное значение благодаря многочисленным работам А. Е. Крымского. Серия Казанской духовной академии „Противомусульманский сборник“ носила слишком специфический характер, стояла в стороне от научного движения в арабистике и не оказывала на него влияния. Изредка материалы и хроника живого арабского Востока попадали в „Сообщения Палестинского общества“, обыкновенно в специальной обработке; иногда статьи, связанные с арабистикой, появлялись в „Журнале Министерства народного просвещения“ и в среднеазиатском органе „Туркестанские ведомости“.

Научно-исследовательских учреждений, в которых была бы представлена арабистика, если не считать Академии Наук, до революции не существовало. Единственным востоковедным объединением являлось „Восточное отделение Археологического общества“ со своими ежемесячными заседаниями и печатным органом; для всех петербургских востоковедов с конца 80-х годов оно было основной научной школой. Аналогичную роль играла и упомянутая „Восточная комиссия“ Московского археоло-

гического общества, основанная (1887) почти одновременно с реорганизацией „Восточного отделения“ В. Р. Розеном; арабистическая струя в ней почувствовалась более сильно с начала XX в., когда секретарем стал А. Е. Крымский. Академия Наук в этом периоде в арабистике особой организующей роли не играла, в противоположность первой половине XIX в. Преемник Френа Б. А. Дорн (1805—1881), трудолюбивый и разносторонний востоковед, не мог в этом отношении заменить его; Розен направил свою энергию на Восточный факультет и Восточное отделение; после его смерти (1908) кафедра в Академии оставалась незамещенной до первых лет революции (1921). Азиатский музей ограничивался ролью книгохранилища и тоже только после революции начал опять приобретать значение организующего центра.

3. НОВЫЕ ФОРМЫ И СРЕДСТВА ПОСЛЕ 1917 г.

После революции арабистика, как и другие научные отрасли, не сразу нашла новые формы и средства своего выражения. Искания продолжались долго и не могут считаться законченными еще и теперь. Естественно, в них замечался подъем и упадок, ошибки и увлечения, отражавшие и слишком оптимистическое представление о возможностях науки на современной стадии разработки и переоценку своих собственных сил.

Отчетливо эти искания сказались в новых соотношениях между центрами преподавания арабистики. Период 20-х годов в целом можно считать временем ослабления старых центров и возникновения новых, иногда в значительном количестве. Первое нередко было связано со вторым: достаточно сказать, что в 1920 г. на все учреждения Петрограда остался единственный представитель арабистики. В противовес этому, она находила себе место почти во всех университетах и институтах, возникавших в столицах новых республик, особенно в областях, связанных раньше с мусульманской культурой: так было в Ташкенте, Баку, Симферополе, Казани, Киеве. В Петрограде, после некоторого перерыва в практическом преподавании, уже в 1920 г. возник Институт живых восточных языков; то же происходило в целом ряде других городов. Нигде, однако, арабистика надолго не упрочилась. Там, где нашлись достаточно серьезные силы (в Ташкенте, Киеве, Баку), она оказалась несколько долговечнее, но все же не утвердилось окончательно; в последнее время к новым центрам присоединяется Тбилиси, где в университете проектируется специальная кафедра семитологии, с должным вниманием в первую очередь к арабистике. Для Ленинграда 20-е годы оказались периодом известного затухания в преподавании арабистики. Если практическое, благодаря Институту восточных языков, продолжалось непрерывно, то с базой научного преподавания обстояло хуже. Частые реформы университета после 1917 г. и окончательное выделение арабистики, как и всего востоковедения, за его пределы сильно ослабили ее; присоединилось к этому недоразумение, сыгравшее некоторую роль в национальных республиках и отразившееся в Ленинграде. Переход ряда языков на новый латинизированный алфавит вызвал несколько подозрительное отношение не только к арабскому шрифту, но и арабской культуре и арабскому языку вообще; внимание и интерес к ним стали смешиваться с поддержкой арабского шрифта и ислама. В результате, даже в основном учреждении, где сосредоточилось тогда научное преподавание востоковедения, — в Ленинградском институте истории философии и лингвистики, арабистика была в течение ряда лет лишена самостоятельного значения и сведена к элементарному курсу арабского языка, приноровленному исключительно для нужд иранистики и туркологии. Только в 1933 г., с восстановлением

самостоятельной кафедры семитологии, арабистика вновь получила должное значение, причем в некоторых областях в таком объеме, как никогда раньше: история арабской литературы, например, рассчитана на 4-летний курс, вместо одногодичного, существовавшего в университете до 1917 г. В Москве, как и прежде, после ряда различных исканий, преподавание арабистики, преимущественно с практическим уклоном, создало свой центр естественно в Институте восточных языков, а не в университете. В других городах оно носит случайный характер, обыкновенно в зависимости от наличия отдельных специалистов. Таким образом показательно, что 20-летие Великой Октябрьской социалистической революции застаёт преподавание арабистики сосредоточенным в двух тех же самых городах, Ленинграде и Москве, что и в 1917 г. В этом нельзя не признать известной исторической закономерности, обусловленной серьезными причинами.

Совершенно переменилась за 20 лет роль в арабистике научно-исследовательских учреждений и обществ. Если до революции известное значение имели только Академия Наук и Восточное отделение Археологического общества, то теперь появляются в громадном количестве другие: почти каждое учреждение, занятое вопросами истории культуры, в той или иной мере дает у себя место арабистике. Институт истории искусств, Академия истории материальной культуры, Гос. Эрмитаж, „Всемирная литература“, Украинская Академия Наук, ряд учреждений в Москве и в союзных республиках — отражают это внимание. Не везде находятся силы, могущие дать ответ на сложные и разнообразные запросы, и не везде арабистика упрочивается; после периода своеобразной широкой экспансии наступает, как и в преподавании, известная консолидация и укрепление немногих более стойких ячеек. Коренные изменения происходят в обществах, связанных с востоковедением: Восточное отделение Археологического общества, постепенно замирая после революции, переходит в Коллегию востоковедов при Азиатском музее Академии Наук, которая заканчивает свою деятельность томом V „Записок“, характеризующим более других востоковедных дисциплин состояние арабистики к 1930 г. Возникающие в 20-х годах „Ассоциации востоковедения“ в Москве и на Украине выдвигают на первый план изучение современного Востока, в частности новой истории и экономики арабских стран. К концу этого периода, к 30-м годам, замечается еще одно явление, раньше не имевшее места и говорящее об естественном росте науки: стремление отдельных областей востоковедения к дифференциации и объединению в более узкие по специальности группы. В январе 1928 г. при Академии Наук возникает кружок ленинградских арабистов, впервые объединяющий последних в самостоятельный центр. Он продолжает деятельность до половины 1930 г., и его почти 3-летнее существование находит свое отражение в томе V „Записок Коллегии востоковедов“, составленном преимущественно из арабистических статей, принадлежащих, в основном, участникам кружка. С возникновением в составе Академии Наук Института востоковедения и Арабского кабинета в нем постепенно созревает мысль о более широком, чем кружок, объединении арабистов. В начале 1934 г. организуется при институте Ассоциация ленинградских арабистов, начинающая свои научные собрания в день смерти В. Р. Розена. Через полтора года ассоциация делает попытку расширить объединение на представителей арабистики в других центрах: летом 1935 г. созывается первая Сессия арабистов, в которой принимают участие в значительном числе представители арабистики в Москве и отдельные арабисты из Киева и Тбилиси. Установить организационную связь между отдельными учреждениями и лицами еще не удается, и работа идет

в значительной мере обособленно. Можно полагать, что периодические сессии помогут найти и здесь правильный путь к объединению. Следующая сессия состоялась в октябре 1937 г. и была посвящена 20-летию советской власти и 900-летней годовщине смерти Авиценны. Несомненно, что основные вопросы придали сессии большую организованность; желательность их периодического созыва, повидимому, признана всеми.

20-летняя история арабистики показала относительно исследовательской работы то же, что и относительно учебной: основными центрами ее становятся Ленинград и Москва, в первом с большим уклоном в сторону арабской филологии, во второй — изучения новой истории и экономики арабских стран. Возможности непосредственного общения с представителями их, в небольшом количестве живущими в Москве, в научном отношении используются еще не достаточно. В других центрах Союза арабистика, вероятно, будет разрабатываться лишь по тем или иным линиям, в зависимости или от местных интересов, или наличия отдельных специалистов.

За 20 лет, параллельно с учебной и научной работой, сильно менялась картина издательских возможностей, которыми располагала наша дисциплина. Основной орган старого востоковедения, где главным образом находила себе место арабистика, — „Записки Восточного отделения Археологического общества“, — закончил свое существование в 1921 г.; на 5-летие, с 1925 по 1930 г., его заменили „Записки Коллегии востоковедов“, продолжавшие ту же традицию. Последний, пятый, том этих „Записок“ оказался любопытным опытом, проведенным едва ли не впервые и стоящим до сих пор одиноко — опытом объединения научных работ вокруг арабистического стержня: участие 29 авторов, не всегда арабистов по основной специальности, но всегда с темами, подходящими к вопросам арабского языка и арабской культуры, говорит о том, что создание такого специального органа может быть вполне оправдано и построено на прочном основании, не менее солидном, чем специальный арабистический журнал в Испании до последней войны. Других попыток в этом направлении у нас до сих пор сделано не было; меньшим по объему опытом является издание трудов первой и второй сессий арабистов, в принципиальном отношении, быть может, более важным. Вообще же арабистам попрежнему приходится пользоваться общевостоковедными изданиями. С 1932 г. организуются три серии Института востоковедения („Записки“, „Труды“, „Библиография Востока“): построенные по своей идее вполне рационально, по выполнению они значительно отстают от тех требований, которые может предъявлять, в частности, и наша арабистика. Медленность печатания не дает возможности быстро вводить в научный обиход открытия и исследования в этой области; оттесняемая более актуальными, иногда лишь по видимости, или представленными большим количеством специалистов областями, арабистика нередко чувствует это особенно болезненно, несмотря на свой удельный вес в нашем востоковедении. С 1922 г. появилась в Ленинграде новая серия изданий Восточного института, которая посвящена преимущественно учебным пособиям или работам, связанным с научно-методическими вопросами; только один раз она включила сборник научных статей. Во всей этой серии арабистика заняла должное место; некоторые издания приобрели здесь далеко не преходящее значение, и о них придется еще говорить. Такое же близкое участие приняла арабистика в 1919—1925 гг. в послереволюционном издательстве „Всемирная литература“ — предприятии, не имевшем себе предшественников и показавшем, между прочим, насколько после 1917 г. стали меняться самые формы востоковедной работы, что еще придется

отметить. Преемницей „Всемирной литературы“, хотя лишь частично, явилась „Academia“, с которой арабистика была связана в начале достаточно близко. Семь лет (1924—1931) просуществовал новый орган Академии Наук „Доклады -В“. Возникший в связи с затруднением печатания больших работ, он ставил задачей знакомить науку в кратких статьях с частичными открытиями или с готовящимися крупными трудами. В значительной мере „Доклады“ стали востоковедным органом, в котором арабистика принимала живое участие особенно в 20-х годах. Какое значение этим статьям придает западноевропейская наука, — достаточно показывают выходящие теперь дополнительные тома к известной „Истории арабской литературы“ Броккельмана, где все они зарегистрированы с исчерпывающей полнотой, несмотря на незначительный в большинстве случаев объем. Картина востоковедных серий в Москве после 1917 г. тоже совершенно переменялась: „Древности восточные“ прекратились, так же как и „Труды по востоковедению“ Лазаревского института; с переездом их основного организатора А. Е. Крымского в Киев востоковедение нашло себе на некоторое время значительное место в изданиях Украинской Академии Наук, однако арабистика заняла там подчиненное положение сравнительно с изучением Ирана и туркологией. Вновь возникшие в Москве и на Украине издания „Ассоциации востоковедения“, равно как „Революционный Восток“ и ряд серий в союзных республиках, не прошли бесследно для изучения новой истории и экономики арабских стран, которые они впервые поставили в центр внимания, хотя, как все первые опыты, печатаемые работы часто стояли на грани журналистики, не всегда руководствуясь арабскими первоисточниками. Издания Московского восточного института, заменившего Лазаревский, обыкновенно ограничивались учебными пособиями, редко распространявшимися и мало доступными за пределами той среды, для которой они непосредственно предназначались.

4. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ РАБОТА. РОСТ УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Характеристика издательских возможностей и вновь возникших организаций дает отчетливое представление о том, насколько после 1917 г. переменялась в области арабистики самая форма научной работы. В ней совершенно особое значение приобретает не игравшая раньше существенной роли популяризация, направляясь в первую очередь на переводы литературных произведений. Очень слабый почин в этом направлении сделало незадолго до революции издательство „Огни“, благодаря действовавшему в нем писателю С. Кондурушкину, который сам жил некоторое время в арабских странах. Дело, однако, не успело развернуться и ограничилось изданием одной книжки по новой арабской литературе и обсуждением вопроса о полном переводе с подлинника „1001 ночи“. Исключительное значение, в противоположность этому, имела деятельность возникшего, по инициативе М. Горького, издательства „Всемирная литература“. За свою 6-летнюю жизнь (1919—1925) оно выполнило лишь незначительную часть намеченных планов, но и то, что сделано, крайне важно и по результатам и в особенности по принципиальной установке. В печатном плане издательства была намечена программа переводов памятников арабской литературы как мирового, так и национального значения, которая и теперь, почти через 20 лет, в случае осуществления едва ли потребует серьезных изменений. Издательство выпустило суммарные очерки ряда восточных литератур, куда вошла и арабская; отдельными изданиями оно напечатало несколько томов переводов с арабского знаменитой автобиографии современника первого

крестового похода эмира Усамы, философского романа Ибн Туфейля, мелких произведений, игравших большую роль в мировой литературе: повести об Ахикаре, басен Лукмана. Далеко не все подготовленное удалось выпустить в свет: кое-что было издано преемниками „Всемирной литературы“; кое-что еще ожидает своей очереди. На ряду с переводами, очень важное значение приобрел созданный „Всемирной литературой“ периодический орган „Восток“, давший пять сборников преимущественно литературно-художественного содержания в научно-популярной форме (1922—1925). Кроме переводов небольших произведений или отрывков, „Восток“ содержал и самостоятельные статьи, посвященные литературным или историческим сюжетам. Почти через 100 лет, в другой форме, он возобновил традицию „Азиатского вестника“, выходившего в начале XIX в. (1825—1827), и целого ряда общих журналов той эпохи („Московский телеграф“, „Вестник Европы“, „Северный архив“ и др.), когда так силен был интерес к Востоку среди рядовой читающей публики того времени. „Восток“ за 5-летнее существование сделал не мало и для арабистики во всех своих отделах. Его пример вызвал аналогичную попытку в Москве, где „Восточный сборник“ (1924), на ряду с другими восточными литературами, уделил некоторое внимание и арабской. Деятельность „Всемирной литературы“ с конца 20-х годов стала отчасти продолжать „Academia“: ее крупнейшей заслугой является издание первого полного перевода „1001 ночи“ с подлинника. Законченная печатанием серия восьми томов в соответствующем оформлении представляет крупное культурное дело, выходящее далеко за пределы арабистики, но стоящее на уровне всего ее опыта. „Academia“ выпустила перевод и другого мирового памятника „Калила и Димна“, подготовленный еще для „Всемирной литературы“, выпустила своеобразный памятник испанско-арабской литературы — изящное „Ожерелье голубки“. Издательство „Художественной литературы“ обратило некоторое внимание и на современную арабскую литературу, дав переводы автобиографической повести слепого каирского профессора Таха Хусейна и романа молодого египетского писателя Тауфика ал-Хакима. Сравнительно со всем фондом арабской литературы сделано, конечно, очень мало, и сделанное далеко не исчерпывает возможностей наличных арабистических сил, но важно то, что серьезное начало положено, и еще важнее, что продуманно и основательно намечены и принципы этой работы и ее главные линии.

Такое же значительное оживление сказалось в области подготовки пособий для изучения арабского языка: за 20 лет после 1917 г. их появилось значительно больше, чем за все предшествующее столетие. Важен был не только количественный прирост, но и те новые запросы, которым стремились удовлетворить возникавшие издания. Быстрее всего почувствовалась нужда в подборе текстов и в специальных хрестоматиях в новых центрах, где не было традиции, а прежние пособия оказывались недоступными. Иногда для быстроты приходилось прибегать к перепечатке старых пособий: так, в Ташкенте в 1921 г. была перепечатана начальная хрестоматия В. Гиргаса и В. Розена (словарь к ней появился здесь же в 1924 г.); интересы к вопросам исламоведения и новым течениям в арабских странах вызвали здесь же перепечатку отрывков из традиционной биографии Мухаммеда (1923), а вслед затем (1927) описания путешествия в Сицилию и Палермо крупного египетского деятеля XIX—XX в. Мухаммеда Абдо — едва ли не первый появившийся у нас в оригинале образчик современной арабской письменности. Баку стремилось удовлетворить потребности своей зарождающейся арабистической школы двумя хрестоматиями: первая (Л. А. Зимина, 1920), составленная спешно в связи с неотложными задачами, исходила, главным образом,

из старого материала; вторая (П. К. Жузе, ок. 1923) включила уже некоторые любопытные отделы: если помещенные здесь отрывки из мировой повести о Варлааме и Иоасафе впервые были представлены в „Арабском изборнике“ М. О. Аттаи и А. Е. Крымского, вышедшем в Москве за год до революции, то отрывки из арабских произведений основателя бехаизма оказались новостью в учебной литературе. В области классической литературы Ленинград обходился попрежнему частью образцовой хрестоматией В. Гиргаса и В. Розена, частью средствами своих сравнительно богатых библиотек; новые потребности стали постепенно вырабатывать новые, так сказать дифференцированные или специализированные пособия, которых, собственно говоря, не знал предшествующий период. Уже в начальную хрестоматию, изданную Восточным институтом (1926), были включены отрывки из произведений одного современного писателя; большая хрестоматия, выпущенная тем же издательством (1928), посвящена исключительно новой литературе и знакомит более чем с двумя десятками авторов. Она была первым опытом в своей области не только у нас, но и, вообще, в арабистическом мире. Этим объясняется ее успех во всех странах, где изучают арабский восток; в известной мере она создала эпоху в занятиях новой арабской литературой. Дореволюционная Россия располагала пособиями для изучения только литературного языка; теперь получает права гражданства и разговорный язык. Хрестоматия образцов сирийского диалекта, составленная Д. В. Семеновым (1929) как из произведений фольклора, так и тех писателей, которые пользуются диалектом, тоже оказалась первым опытом в арабистике вообще, суммирующим значительный материал. Интересную попытку дать свод текстов, отвечающих на местные запросы, представляет арабско-грузинская хрестоматия Г. В. Церетели (Тбилиси, 1935), выбравшего историко-географические источники, относящиеся непосредственно к Грузии и Кавказу. Специальным уклоном удовлетворяет и хрестоматия по политико-экономическим вопросам в отрывках из современной прессы, составленная также Д. В. Семеновым (1935).

Рост учебной литературы нашел свое отражение и в грамматиках: увеличивается не только их количество, но появляются работы, показывающие значительное повышение лингвистического уровня. Прогресс здесь все же не так заметен, как в хрестоматиях, вероятно потому, что иногда попрежнему для составления грамматики считается достаточным практическое владение языком. Стоящим на высоте научного уровня, как увидим, приходится признать только один опыт. На первых порах пробел восполняется переработкой старого материала со старыми установками. Известный интерес представляла дополненная обработка краткого очерка немецкого ориенталиста Г. Штумме, вышедшая в Москве (1922) и составленная внимательно, хотя в пределах элементарных требований. Нельзя сказать того же про связанный с дореволюционной туркестанской традицией учебник И. Д. Ягелло (Москва, 1926), отличающийся и чрезмерной краткостью и мало пригодной системой. Вышедшая в 1928 г. в Киеве грамматика Т. Г. Кезмы полезна своим популярным изложением, приуроченным для начального практического изучения, но мало считается с достижениями европейской лингвистической науки вообще и семитологии в частности. Таким образом первым опытом в новом направлении оказалась вышедшая вскоре после нее грамматика Н. В. Юшманова (1928) — первая после очерка М. Навроцкого (1867) полная грамматика, стремившаяся строить все изложение на научной основе. Везде она исходит из законов общего языкознания, с привлечением историко-сравнительного метода, не упуская связи арабского языка с другими семитическими и отношения литературного языка к диалектам.

Она — единственная на русском языке, которая дает представление о выводах, добытых до последнего времени западной наукой. В ряде пунктов она идет дальше нее, освещая некоторые моменты самостоятельными изысканиями автора. В этом смысле мы имеем в ней труд не только учебный, но и научный, показывающий воочию, что после революции у нас появилась ранее не представленная дисциплина — арабская лингвистика.

На ряду с систематическими обзорами грамматики, педагогические требования за последний период вызывают еще новую форму — учебники, распределяющие материал по урокам в комплексном объединении теоретического изложения и практических упражнений. Уже в 1923 г. М. О. Аттая выпустил интересное по замыслу „Руководство“ для изучения сирийского диалекта; к сожалению, выполнение его, с переносом в упражнения центра тяжести на искусственные фразы и не всегда отчетливое разделение между литературным и разговорным языком, едва ли можно признать удовлетворительным. Учебник, изданный Ленинградским восточным институтом (1936), ставит едва ли осуществимую задачу иллюстрировать отличия разговорного языка параллельно с изучением литературного материала, но имеет ценное хрестоматийное приложение — ряд документов, характеризующих современный административно-дипломатический стиль, и отрывков из произведений современного писателя, рисующих новые социальные отношения в Аравии. Московский институт тоже перешел на линию составления учебников: по примеру выпущенного под редакцией Х. К. Баранова (1933) можно судить, что они преследуют, главным образом, элементарные задачи; литографская система воспроизведения делает их малодоступными для других центров.

Большинство вновь выходивших хрестоматий и учебников сопровождалось специальными словарями. Это избавляло от нужды в полном словаре и когда встречалась необходимость, попрежнему обращались к старой работе В. Ф. Гиргаса (1881) или мало удовлетворительному опыту М. О. Аттая (1913), хотя они ставили себе задачи, слабо отвечавшие тем, которые выдвигала революционная эпоха. На первый план теперь стало изучение современного литературного языка, современной письменности, публицистики и литературы во всех ее разветвлениях, в живом неустанном развитии. Словарей, которые полностью удовлетворяли бы этой потребности, не было у нас, нет их и на Западе. Частичные словари, приложенные к изданиям Ленинградского восточного института, направлены по определенной линии только тех материалов, которые помещены в сборниках, и не могут исчерпать значительной доли лексического запаса всего современного языкового богатства. Эту задачу ставит себе большой словарь проф. Х. К. Баранова. Рационально ограничивая свою сферу современным литературным языком и не стремясь исчерпать всего состава классической эпохи, автор основал свою работу на долголетнем изучении современной продукции, главным образом газетно-журнального стиля, в значительной мере господствующего во всем литературном развитии современности. Словарь с такой установкой заполнит пробел не только в нашей литературе, но окажется новым и для Западной Европы; подготовленный к печати еще в начале 30-х годов, он до сих пор не нашел издателей, очевидно осторожно относящихся к самому его объему. Можно надеяться, что осуществление издания будет по силам Академии Наук, и послереволюционная арабистика получит фундаментальное пособие по лексике современного литературного языка. [Первый выпуск вышел в Издательстве Академии Наук в 1940 году].

Характеристика обоих обрисованных разделов — переводческой деятельности и учебно-педагогической литературы — ставила главной задачей показать, насколько после 1917 г. изменялись самые формы арабистической работы и средства ее выражения. Однако уже при этом на каждом шагу легко было видеть, что дело не ограничивалось одной формой, а в такой же мере захватывало и содержание — самую тематику этой работы. Еще яснее это станет теперь, когда мы перейдем к характеристике научных достижений нашей арабистики за 20 лет.

5. НАУЧНАЯ РАБОТА

Лингвистика, история литературы. Не ставя себе при характеристике этих научных достижений, как и в предшествующем разделе, задач библиографического свода и библиографической полноты, мы попытаемся осветить то новое в смысле фактов или приемов, что наша наука внесла в мировую сокровищницу, в особенности показать те специальные задачи, к разрешению которых она стремилась в нашей стране, исходя из специальных установок в ней или связанного со страной материала. Мы увидим, что строгого разграничения между двумя этими отделами, естественно, провести нельзя и работа в обеих областях представляла обыкновенно органическое целое, доказывая невозможность разрыва их механическим путем. Порядок нашего изложения в первой части последовательно коснется лингвистики, истории литературы в широком смысле, со включением письменности вообще, истории со вспомогательными дисциплинами и историей науки. И здесь существо дела не будет приноситься в жертву библиографической полноте или стройности изложения.

Уже в предшествующем изложении нам приходилось отмечать, что лингвистика была едва ли не наиболее слабой стороной дореволюционной арабистики в России. Если упомянуть значительно устаревший „Очерк грамматической системы арабов“ В. Ф. Гиргаса (1873) и ряд капитальных работ П. К. Коковцова в области еврейско-арабских грамматических теорий, этим будет исчерпано почти все, что можно отметить в данной области до 1917 г. В настоящее же время в Союзе насчитывается ряд арабистов с определенной специализацией в области лингвистики, прошедших высшую школу уже после революции, работы которых представляют интерес не только для нашей страны, но в значительной мере оценены и за ее пределами. Можно с удовлетворением отметить, что грамматика Н. В. Юшманова была признана критиками имеющей самостоятельное научное значение; справедливо была оценена творческая инициатива в освещении ряда вопросов, выделение сторон, оставленных прежними исследователями в тени. Она могла возникнуть только на базе ряда монографических исследований автора и, в свою очередь, стимулировала дальнейшие работы. Эти монографии затрагивали разнообразные темы, начиная от фонетики, кончая корневыми разновидностями, классовыми показателями, первоячейками в арабском и других семитических языках. Автор объединяет в себе семитолога с хамитологом и, вообще, языковедом очень широкого диапазона. Работы его выходят далеко за пределы арабистики, но всегда бывают для нее полезны. Только с той подготовкой, которой он располагает, возможно было построение остроумного очерка грамматики иностранных слов в русском языке, первого у нас, где наш арабист или просто читатель, интересующийся судьбами перехода арабского материала в свой родной язык, найдет много поучительного, нигде до сих пор не суммированного. [Не меньшее значение имеет и выпущенная им в 1938 г. книжка „Строй

арабского языка“]. Теория в исследованиях Н. В. Юшманова все время соприкасается с практикой, и твердая база арабиста-лингвиста помогает ему принимать близкое участие в языковом строительстве СССР не только на кафедре, но и в широкой повседневной работе.

Если построение грамматики дало повод Н. В. Юшманову оформить свои выводы в полной системе, то словарь явился основным стержнем работы Я. С. Виленчика [ум. 1 июля 1939 г.]. Задуманный давно, с первых шагов его научной деятельности, в середине 20-х годов, он потребует еще многих лет для своего завершения, но его непосредственные результаты получили реальное воплощение уже с самого начала. Словарь этот ставит своей задачей подвести итог всему лексическому запасу живого арабского языка Сирии и Палестины, с привлечением языковых материалов и других арабских стран Ближнего Востока. Искрывая все доступные в записях или изданиях продукты языкового творчества, он не имеет предшественников в своей области. Самая идея его сразу была признана очень удачной и своевременной: рано погибший семитолог Бергштрессер (1933) просил автора взять на себя обработку его дамасских материалов. С первых шагов в ходе работы над словарем стали отлагаться отдельные заметки и монографии по фонетике, исторической грамматике живых языков, семантике. И здесь теория не могла остаться в стороне от практики: вопросы словаря оказались близко связанными с вопросами о соотношении литературного языка и диалектов, о реформах орфографии, о проблемах латинизации на арабском востоке. Отдельные статьи составляют теперь уже солидную серию работ, внесших не мало в арабистическую науку как раз по таким темам, которые редко находят исследователей на Западе. На очереди стоит опубликование двух больших монографий, тоже выросших при классификации словарных материалов — о происхождении арабского определенного члена *ал* и о названиях пород арабских лошадей. Второе исследование лишний раз показывает, насколько кажущиеся иногда отвлеченными лингвистические изыскания близко связываются с изучением реальной жизни и обстановки. Работа над словарем находится теперь в такой стадии, что есть уже возможность подумать о составлении на основе его практического подручного словаря живой арабской речи: осуществление этого издания потребует небольшого сравнительно количества лет.

Советские арабисты-лингвисты до сих пор почти не имели возможности вести лингвистические наблюдения в сплошной массе арабского населения, не могли и производить записей народного творчества в сколько-нибудь значительном количестве. Спорадически и случайно это иногда делалось, например, в фольклорных и этнографических записях из Палестины, однако представлявшие изредка возможности в Москве полностью не использованы; отдельные записи, произведенные студентами в Йемене, оказались не вполне удовлетворительными и для своей обработки требуют значительного срока, может быть, даже проверки на месте. Более широкое поле деятельности предстоит с открытием языка среднеазиатских арабов, в изучении которого приняли близкое участие и арабист-лингвист и арабист-этнограф; об исследованиях их будет сказано в связи со специальными задачами советской арабистики.

В противоположность лингвистике, история арабской литературы для нашей страны — дисциплина старая и в некоторых областях со славным прошлым. Традиция ее, однако, не задавила, и она, продолжая свое участие и после революции в развитии мировой науки, сумела ввести в нее не только новый материал, но и выдвинуть новые про-

блемы, создавшие новое течение. Нет нужды и здесь перечислять отдельные памятники или новые рукописи, благодаря нашей арабистике вошедшие в науку, равно как частичные монографии, освещавшие вопросы или детальнее или с новой точки зрения, — список получился бы слишком громоздкий, однако некоторые моменты выделить нужно. В области изящной литературы мы опубликовали остроумную сатиру на мусульманские представления о загробном мире поэта и философа-вольнодума Абу-ль-Аля; мы ввели в обиход науки неизвестную антологию современника первого крестового похода, сирийского эмира Усамы, уцелевшую у нас в его автографѣ. „1001 ночь“ нашла своего исследователя в известном переводчике ее М. А. Салье; ряд монографий он посвятил отдельным моментам ее литературной истории и текстуальной критики. В области поэзии сделано тоже не мало: появился общий очерк ее с точки зрения эволюции стиля, монография о роли персов в раннем периоде арабской поэзии, значительно подвинулось изучение поэтики с изданием первого трактата в этой области (1935). В других отделах письменности интересных моментов не меньше. В исторической литературе достаточно отметить открытый В. И. Беляевым аноним XI в., который еще ждет своей идентификации; в области философии совершенно исключительные находки дал известный и раньше арабско-еврейский фонд Фирковича в Публичной библиотеке Ленинграда. Здесь обнаружилась арабская версия знаменитой Теологии псевдо-Аристотеля, которая послужила оригиналом для латинского перевода, игравшего большую роль в развитии средневековой мысли почти на всем ее протяжении. Не меньшее значение для истории мусульманской религиозной философии имеют обнаруженные здесь же значительные фрагменты произведений мутазилитского направления; важность их для европейской науки можно сравнить только с недавно открытыми в Европе сочинениями того же течения в Йемене у господствующего там толка зейдитов. Исламоведная литература различных эпох тоже нашла у нас своих исследователей: этюды московской арабистики К. С. Кашталевой [ум. 15 июля 1939 г.] по терминологии Корана, хотя остались незаконченными, тем не менее внесли много нового не только в смысле реальных результатов, но и обоснования нового приема в изучении коранического языка и стиля; это сразу почувствовал Н. Я. Марр, всегда увлекавший арабские материалы в круг своих построений, который откликнулся на один из этюдов Кашталевой своим анализом термина „ханиф“. На Западе, хотя независимо от Кашталевой, но позже ее, стал пользоваться тем же приемом изучения Д. Кюнстлингер. Ряд новых памятников, рисующих различные аспекты внутренних течений в мусульманском мире и их реакции в окружающей среде анализировал и опубликовал А. Э. Шмидт [ум. 9 августа 1939 г.]. Любопытная, мало освещенная в науке попытка примирения между суннитами и шиитами при Надир Шахе в XVIII в. впервые им выдвинута в ясном свете; фигура шейха-полемиста Зияде ибн Яхьи, вероятно из той же эпохи, с которым познакомил еще А. Е. Крымский, охарактеризована А. Э. Шмидтом на целом ряде его произведений, с детальным анализом их истоков и тенденций.

Однако из всех областей истории литературы и письменности наибольшее влияние на арабистическую науку оказали русские работы по новой литературе, которые на Западе и даже в арабских странах вызвали большое оживление и своего рода школу. Проследить этапы этих работ не безинтересно. К революции они имели уже известную давность. Начавшись на рубеже XX в. отдельными упоминаниями и статьями А. Е. Крымского, они несколько оживились с 1910 г., хотя не выходили

за пределы специальных изданий и журналов. После революции, летом 1918 г., в Петроградском университете впервые был прочитан общий курс этой новой литературы, подводивший итог тому, что сделано в этой области и что возможно сделать в условиях отрыва от Востока и Запада, в котором тогда находилась наша арабистика. С тех пор курс неоднократно повторялся в университете и Восточном институте; благодаря издательству „Всемирная литература“, основанному М. Горьким, в первой половине 20-х годов, знакомство с новой арабской литературой вышло из узкого круга специалистов и стало проникать в более широкие слои читателей. С другой стороны, большая хрестоматия произведений современных писателей в оригиналах, опубликованная в 1928 г., подвела под изучение серьезную базу, которой до тех пор не доставало, облегчив в то же время первоначальное изучение новой области. Это очень хорошо почувствовал Запад и Восток. Предисловие к ней было переведено на ряд языков; сама она принята в качестве учебного пособия в таких разнообразных пунктах, как Упсала, Берлин, Гамбург, Лондон, Алжир, Нью Йорк; влияние ее перекинулось в Америку, где в разное время был напечатан перевод ряда помещенных в ней произведений; в Бейруте по ее образцу была составлена хрестоматия для старших классов средней арабской школы, в Алжире готовится аналогичный опыт университетского пособия. Когда в Дамаске реорганизовался Французский научный институт, в составе предметов, подлежащих его специальному изучению, особое внимание было уделено новой арабской литературе. Хрестоматия дала толчок переводам ряда русских статей из этой области на иностранные языки, включая и арабский. По предложению Арабской Академии в Дамаске в ее органе была дана нашим ученым на арабском языке статья о методах и задачах изучения новоарабской литературы (1930); им же, по поручению международного издания „Энциклопедии ислама“, составлен общий очерк истории этой литературы (1935) — первый на европейских языках. Почти во всех крупных европейских странах появились теперь специалисты в этой области, которые неоднократно заявляли об их связи с нашими работами, иногда послужившими для них исходным пунктом. Их большая близость к современным арабским странам и большая легкость сношений с ними дают им значительные преимущества в широкой постановке изучения, но тем не менее и в Союзе мы можем указать ряд ценных монографий Д. В. Семенова и др. Есть надежда, что в ближайшие годы мы получим первую фундаментальную историю новой арабской литературы уже в нескольких томах, акад. А. Е. Крымского. Мировая наука не забывает, что основной и первый толчок в этой области был дан нашей страной.

История, вспомогательные исторические дисциплины, история науки. В области истории арабов дореволюционная арабистика обращала основное внимание на русско-арабские или византийско-арабские отношения; ранние эпохи зарождения ислама и арабского государства, вопросы мусульманской культуры в целом — отступали сравнительно с ними на задний план, хотя тоже дали несколько важных, обыкновенно необъемистых трудов. С 1917 г. хронологические масштабы расширяются, иногда совершенно неожиданно, в сторону глубокой древности. Какие запросы предъявлялись здесь по временам к советскому арабисту, — будет ясно по одному небольшому примеру. В связи с нашими сношениями с Йеменом, в Ленинград в 1930 г., попали две бронзовые таблички с так называемыми сабейскими (южноарабскими) надписями, относящиеся ко времени около нашей эры. Трудность их дешифровки обуславливалась не только полным

отсутствием до этого аналогичных памятников в Ленинграде, не только редкостью их в других собраниях — достаточно сказать, что до 1930 г. в европейских музеях было известно лишь четыре аналогичных экземпляра, причем один с отломанной половиной, — трудно было решить вопрос об их подлинности, так как подделка предметов древности в Йемене — обычное явление и производится, можно сказать, фабричным путем. Внутренний анализ памятников убедил издателя в их подлинности; опубликование их вызвало живой интерес почти всех современных немногочисленных сабеистов на Западе; по поводу них даже возникла специальная литература; скептические голоса быстро замолкли, и в вышедший в прошлом году выпуск издаваемого Парижской Академией надписей „Репертуара семитской эпиграфики“ они включены уже без всяких оговорок и, таким образом, раз навсегда вошли в этот строгий и авторитетный канон южноарабских надписей.

Первые годы революционного периода в области истории арабов ознаменовались не имевшим себе раньше аналогий фактом — выходом в свет трех популярных брошюр В. В. Бартольда „Ислам“, „Культура мусульманства“, „Мусульманский мир“. Являясь популярными по установке, они много давали и для специалиста, так как не только суммировали достигнутые наукой выводы, но знакомили и с важными результатами, добытыми в отдельных, не всегда опубликованных исследованиях самого автора. Затрагивая и другие области, они ярко показали, что советская арабистика имеет право своего суждения по истории арабов на всем ее протяжении. Это доказал и сам В. В. Бартольд рядом монографий, отчасти возникших в ходе подготовки упомянутых брошюр. Анализ личности и эпохи Мусейлимы, соперника Мухаммеда, мог быть основан только на тех же источниках, которыми располагали и западные исследователи, но тем не менее он впервые открыл ряд незамеченных раньше деталей и дал в значительной мере новое построение всего очень сложного в истории Аравии периода. То же приходится сказать про небольшой этюд „Коран и море“, быстро переведенный на немецкий язык, и в особенности про ряд монографий из эпохи династии омейядов. Насколько старый материал может осветиться новыми лучами под анализом не применявшегося ранее метода, — говорит монография И. Н. Винникова о легенде о призвании Мухаммеда в свете этнографии (1934); в противоположность этому, неудачной приходится признать попытку Н. А. Морозова приурочить эпоху возникновения ислама к другой дате, равно как опыт некоторых московских ученых установить коллективность в создании Корана. Известное значение для антирелигиозной пропаганды имеют работы последних по вопросу о классовой сущности ислама и его происхождении; полезна в некоторых частях составленная Е. А. Беляевым хрестоматия по истории раннего ислама и библиография исламоведных работ. История халифата нашла со середины 20-х годов нового исследователя в лице проф. А. Ю. Якубовского. Постепенно расширяя рамки своего внимания преимущественно к истории Средней Азии на другие страны, он близко подошел к существенным моментам в жизни халифата вообще, с углубленным анализом социально-экономических отношений в серии крупных монографий. Есть надежда, что от него мы получим и общий курс истории халифата, стоящий на высоте современных научных требований. По примеру В. В. Бартольда наша арабистика не забывала популяризации в области истории: на испанские события она откликнулась брошюрой об арабской культуре в Испании (1937). Значительно возросло после революции количество работ, посвященных новой истории арабских стран; обыкновенно они появлялись в виде статей в журналах

(„Новый Восток“, „Схидний свит“, „Революционный Восток“ и др.) и до сих пор не дали фундаментальных по своему значению исследований. За последние годы в этой области замечается растущее стремление обращаться к первоисточникам и вводить в оборот науки новые материалы в переводах с арабского (работа по истории Египта в конце XIX в. Х. И. Кильберг).

Развитие истории после 1917 г. сильно сказалось на вспомогательных исторических дисциплинах. Нумизматика, например, познакомила Запад с колоссальным новым материалом, найденным в пределах нашего Союза, и дала ряд монографий, в особенности по истории Закавказья в арабский период, где нумизматические данные позволили уточнить, проверить и дополнить показания повествовательных источников. Нельзя не отметить факта, который говорит про высокую оценку этих нумизматических работ. Когда за границей был задуман подручный, энциклопедического типа, словарь нумизматики (1930), то составление всего восточного отдела было поручено сотруднику Гос. Эрмитажа. Сильно двинулась вперед эпиграфика: если раньше она ограничивалась изданием и переводом отдельных надписей с их реальным или историческим комментарием, то теперь значительно расширила филологический подход привлечением искусствоведческого и палеографического метода. Издание и исследование арабских погребальных стел эпохи первых веков ислама, хранящихся в собрании Академии, признано капитальной работой, с которой считаются все эпиграфические труды западных специалистов. В области палеографии начато изучение арабских папирусов Ленинграда и Москвы, для которого в дореволюционный период не находилось подготовленного исследователя; оно обещает богатые результаты не только для специальных проблем палеографии, но также для административной и экономической истории раннего арабского Египта, к которому эти папирусы относятся.

В противоположность большинству исторических дисциплин, в области истории науки прогресс с 1917 г. мало заметен. То оживление, которое сказывается за последние 10-летия в истории арабской медицины, математики, вообще точных и естественных наук, нашу страну до сих пор серьезно не затрагивало, если не считать одной статьи о медицинской школе в Джундишапуре и главы в общем курсе истории химии Б. Меншуткина. Крупное значение имеют работы по истории орошения в Средней Азии и добычи полезных ископаемых, с привлечением арабских источников (А. Э. Шмидт, М. Е. Массон), однако подготовка больших корпусов арабских медиков и арабских алхимиков проходит без нашего непосредственного участия. Единственное, что следует отметить, — это издание ряда памятников, с привлечением наших рукописей, иногда уникального характера: приобрел уже почетную известность в науке знаменитый сборник трактатов по офтальмологии, составленный одним арабским врачом в XII в. для своего употребления и поступивший в Академию Наук после 1917 г.; полностью опубликованы алхимические сочинения Мухаммеда ибн Умейля, с привлечением нашей рукописи, и т. д. К истории науки у арабов, особенно к вопросам об ее влиянии на европейское средневековье, неоднократно подходил в своих статьях через греческие и латинские источники специалист по античным литературам М. А. Шангин; в последнее время в исследованиях по истории военной техники, в частности о так называемом греческом огне, обращено внимание на давно хранящуюся у нас рукопись по стратегии с очень ценными для иллюстрации этого дела миниатюрами; в связи с этим подготовлен к печати комментированный перевод имеющегося здесь отдела о пиротехнике. Открытия и приобретения последних лет, не говоря

уже о прежних собраниях, показывают, что источники в этой области у нас разнообразны и богаты; достаточно упомянуть недавно поступившую в Академию Наук из Уфы рукопись XII в. с минералогией Псевдоаристотеля, значительно восполняющую единственный известный до сих пор парижский экземпляр, или присланную из Стерлитамака обработку Эвклида в старой, так называемой „до-Тусиевской“, редакции. Ждут своего исследователя трактаты по оптике знаменитого в средние века аль-Хазена, которые не успел издать за смертью известный физик Э. Видеманн, или морские маршруты эпохи Васко да Гамы, связанные с той же традицией арабских пилотов, которая помогла ему обогнуть Южную Африку. Работа здесь нужна планомерная, и можно надеяться, что инициатива Московского университета, подготовлявшего молодого специалиста по истории математики у арабов, найдет подражателей и в других дисциплинах. То, что у нас опубликовано в этой области до сих пор, ограничивается передачей результатов европейских исследований или, наоборот, обнаруживая некоторое знакомство с арабской традицией, как изданная в Казани книжка Юсупова, совершенно не считается с богатой научной литературой последних десятилетий.

Единственная отрасль истории науки, в которой у нас сделано сравнительно много после 1917 г., — это история арабской филологии, главным образом в России. Раньше, когда перспектива была невелика и исчерпывалась одним-двумя поколениями, эти вопросы особого интереса не возбуждали даже среди специалистов: в необходимых случаях они ограничивались обыкновенно заметками или статьями некрологического и юбилейного характера. Переломным этапом явилась и здесь эпоха Розена, которая сейчас же после его смерти потребовала подведения известных итогов. После революции необходимость итогов в истории нашей науки сказалась еще шире: надо было не только произвести полный учет сделанного, но и выяснить, что из него может быть использовано и теперь, какие уроки для будущего могут быть извлечены из прошлого. Благодаря большому интересу к этим вопросам, история научной арабистики в основном центре Петербурге-Ленинграде может считаться теперь освещенной более или менее удовлетворительно. Помимо отдельных статей о недавно отошедших деятелях ее, создавший некоторый ретроспективный взгляд в прошлое, где движение направляется в глубь от той же фигуры Розена. В настоящее время учтены и описаны полностью все известные био-библиографические материалы о нем; для того, кто возьмет на себя труд посвятить ему специальное исследование, почва в значительной мере расчищена. В отдельных монографиях освещены фигуры двух наиболее характерных его предшественников на протяжении XIX в., очень непохожих друг на друга — представителя схоластической учености, египетского Шейха Тантави и первого европейского арабиста из русских Гиргаса. Исследование литературной деятельности Сенковского (бар. Брамбеуса), данное В. А. Кавериним, бросает новый свет и на его арабистический облик; изучение одной из первых публикаций Френа еще раз заставляет вспомнить трудный ранний период его работы в Казани. Вопрос о начале книгопечатания арабским шрифтом в России, исследованный московским библиографом, ведет нас к истокам арабистики, даже в XVIII в. Туда же влекут исследования первых русских переводов Корана, рукописных и печатных; один из этих переводов подводит нас в анализе К. С. Кашгалевой (1930) к источникам „Подражаний Корану“ Пушкина. Так, история арабистики, как и всегда, смыкается с историей культуры; маленькая специальная область входит в большую картину и сама придает

ей полноту жизни. Сравнительная разработанность этой истории позволила в последние годы приступить к подготовке большого предприятия: био-библиографического словаря русских и советских арабистов за два века, над которым трудится Г. Г. Гульбин. Задуман он по тому же образцу, как известный словарь русских писателей С. А. Венгерова, но со значительным расширением биографической части, и потребует для своего окончания, конечно, несколько лет упорной работы. Наличие его выдвинет, на ряду с крупными, известными и теперь в науке фигурами, средних и мелких деятелей, часто не известных или совершенно забытых, число которых доходит до 300. Когда все эти материалы станут доступными для общего пользования, тогда явится возможность дать не только внешнюю описательную историю нашей арабистики, но проследить и ее внутреннюю эволюцию на фоне всей культуры и общественной жизни. Сделать осталось много, но серьезное основание уже заложено и надо только поддержать ведущуюся работу.

6. УЧАСТИЕ В КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ СССР

Обработка рукописных и музейных собраний, изучение арабских источников для истории народов СССР. Работы по истории нашей науки не в меньшей мере, чем другие предшествующие разделы, показывают, насколько те проблемы, по линии которых направилось ее развитие в русле мировой арабистики, связаны с нашей страной, с культурным строительством, с разработкой всех наших культурных богатств. Оторвать одно от другого нельзя; плодотворное развитие обеих сторон возможно только в их органической связи; повышение уровня в одной области содействует прогрессу другой, и наоборот, невнимание или незнание с успехами одной линии сейчас же отзывается и в другой. Если для большей наглядности суммировать те области нашей арабистики, которые имеют особенное значение в аспекте культурных задач нашего Союза, то здесь придется выделить, главным образом, три линии: изучение наших рукописных и музейных собраний, исследование арабских источников для истории народов СССР, равно как форм арабской литературы среди них, и наконец, изучение языка среднеазиатских арабов.

В предшествующем изложении нам приходилось говорить о роли рукописных собраний нашего Союза почти на каждом шагу: благодаря им, арабисты далеко еще не исчерпали возможностей научных открытий в нашей стране. Эти собрания, возникшие на два века позже, чем в других государствах, теперь не беднее своих старших собратий; именно они явились основной базой нашей арабистики, которая успешно развивалась только в тех центрах, где такие собрания складывались. За время революции они значительно выросли: в Академии Наук в прежние коллекции влилось крупное собрание Учебного отделения Министерства иностранных дел и небольшое по составу, но очень ценное по подбору собрание Зимнего дворца. Экспедиции и отдельные приобретения сделали академическое собрание самым большим в Союзе, не уступающим по своему достоинству крупнейшим библиотекам Европы, Америки и арабских стран. Самостоятельные крупные собрания возникли в Казани, Ташкенте, Баку, Тбилиси и других городах. Для изучения их за 20 лет сделано много, но, конечно, еще далеко не достаточно. Ленинградские собрания получили печатные списки некоторых отдельных коллекций с достаточно подробной характеристикой их состава. Из других городов только Ташкент приступил к постепенному опубликованию научного каталога рукописей, опередив в этом Ленинград, и Харьков получил всем доступное

и исчерпывающее описание своей, в общем незначительной, коллекции. В Тбилиси подготовлен уже к печати каталог сложившихся здесь за последнее время фондов. Относительно других городов в большинстве случаев мы имеем только отдельные статьи или заметки о каких-либо выдающихся экземплярах: так обстоит дело с Казанью, Киевом, Бахчисараем, Ялтой, Евпаторией, Баку. Между тем, даже случайная статья о казанском собрании, составленная на основе поверхностных выписок из инвентаря, показывает, какое количество ценных, иногда уникальных, материалов там хранится. Эта статья, переведенная в извлечениях на немецкий язык, обратила внимание одного французского ученого, обнаружившего здесь давно его интересовавшую биографию того поэта-философа, который многие годы являлся предметом его специальных занятий. Благодаря вниманию Наркомпроса Татарии, он мог получить копию рукописи, и этот памятник оказался одним из немногих в казанском собрании, который стал доступным европейской науке в издании парижского ученого. По этому случайному примеру видно, как много сокровищ хранится в наших коллекциях и как много еще предстоит работы нашим ученым для их планомерного обследования и опубликования каталогов.

Не менее важное значение представляют наши арабские эпиграфические памятники как собранные в музейных коллекциях, так и находящиеся *in situ*, иногда оставаясь даже неучтенными. В одном из предшествующих разделов было видно, что работа наша в этой области за 20 лет значительно повысилась, появился ряд и капитальных трудов и отдельных монографий; наши ученые приглашены к участию в международном издании „Репертуар арабской эпиграфики“, выходящем в Каире, благодаря которому и наши материалы, иногда впервые, начинают делаться известными в науке. Однако это еще не все: помимо частичных исследований, необходимо подумать о составлении у нас и репертуара и корпуса арабских надписей в Союзе. Работа большая и сложная, но уже настало время за нее взяться во всеоружии методов современной науки.

К изучению наших собраний одной стороной примыкает другая основная тема советских арабистов — исследование арабских источников для истории народов СССР, тема, занимавшая нашу арабистику почти с первых шагов ее существования, но только в последние годы обрисовавшаяся во всей грандиозности. Достаточно сказать, что в хронологических рамках памятников, подлежащих ее изучению, она захватывает период с VIII по XX в. Только 30-е годы нашего столетия обнаружили это с большой яркостью, в частности на одном примере, о самой возможности которого никто раньше и не думал. Осенью 1933 г. при раскопках в развалинах замка Муг-кала на р. Зеравшане, одновременно с большим количеством согдийских документов первостепенного значения, был найден один арабский документ на коже, изъеденный червями. Наличие повествовательной исторической традиции, с одной стороны, палеографический анализ, основанный на последних достижениях арабистической науки, с другой, позволили определить значение этого документа с полной уверенностью (1934). Он оказался письмом местного согдийского владельца к арабскому наместнику из эпохи арабского завоевания Средней Азии. В нем мы получили редкий пример того, как недатированный памятник, благодаря тщательному анализу, удалось приурочить с точностью до одного года (к сотому году хиджры или 717—718 гг. н. э.). Таким образом он явился древнейшим известным до сих пор арабским документом для истории народов СССР, достойно открывающим длинную цепь повествовательных источников, основательность которых за свою эпоху он в значительной мере подтвердил. Эта цепь не ограничивается, как думали

раньше, показаниями арабских историков и географов периода расцвета этой литературы в IX—X вв., а доходит, в буквальном смысле, до наших дней. Если мы вспомним, что на Северном Кавказе, в ряде областей, еще в начале XX в. арабский язык был единственным литературным, если вспомним, что один из дагестанских представителей арабской традиции, крупный историк и поэт Хасан аль-Алькадари умер только в 1910 г., нам станет ясно, каким богатым запасом этих материалов мы располагаем и как много труда надо потратить, чтобы сделать их доступными для научного пользования. Работы в этом направлении после революции продолжались в различных областях, на первых порах в особенности применительно к Азербайджану. Уже в 1922 г. появился здесь этюд про известное движение Бабека (П. К. Жузе), в 1926 г. — анализ сообщений про поход Русов на Берда (А. Ю. Якубовского); одновременно с этим, в 1927 г., были даны переводы двух важных источников для истории Азербайджана в эту эпоху аль-Якуби и аль-Белязури. В Киеве произведено было сопоставление ряда арабских свидетельств IX—X вв. об украинских словах (1924), а позже (1927) появилось исследование А. Е. Крымского и Т. Г. Кезма о рассказе одного арабского историка по поводу крещения Руси. Постепенно выяснялась необходимость подумать о плане и принципах нового свода этих арабских свидетельств про народы СССР, чтобы заменить устарелый, имеющий почти вековую давность труд А. Я. Гаркави. Соответствующая записка с формулировкой методов, требуемых современным состоянием науки, была доложена в Академии Наук в 1930 г. и опубликована в 1932 г. На ряду с письменными источниками, решено было привлечь нумизматические данные, составив новую топографию кладов куфических монет, найденных на территории Союза; обоснования и принципы такого свода были изложены в особой записке (1933). Эта топография могла бы ярко иллюстрировать пути торговых сношений и разъяснить многие исторические данные арабских источников. Практика показала, что составление полного свода требует ряда лет и сложной подготовки; темпы нашей исторической работы заставляют ускорить это дело и перейти к системе публикации выпусков, посвященных или отдельным авторам, или группе однородных источников. В настоящее время ряд таких выпусков выходит в изданиях Исторического института Академии Наук. Крупным толчком послужило здесь получение из Ирана во время Конгресса иранского искусства фотографии с известной мешхедской рукописи второй части географического сочинения X в. Ибн-аль-Факыха, в приложении к которой даны записки путешественников: в Среднюю Азию — Абу-Дулефа и к волжским булгарам, тоже через Среднюю Азию, — Ибн-Фадлана. В виду важного значения для нашей истории последней записки, известной до сих пор только в извлечениях поздних авторов, решено подготовить ее перевод по рукописи, не дожидаясь выхода в свет критического издания, обещанного открывшим ее ученым. Из сочинения Ибн-аль-Факыха предположено издать с переводом по частям те отделы, которые имеют непосредственное отношение к странам Союза.

Арабские источники для истории народов СССР за последние века стали изучаться планомерно только в недавнее время. Основное внимание уделено здесь Северному Кавказу, но и в других областях сделаны ценные открытия. Обнаружено, например, любопытное, неизвестное раньше путешествие египетского Шейха Тантави в Россию, написанное около 1850 г., которое может занять оригинальное место среди „сказаний иностранцев о государстве Российском“. На ряду с бытовыми подробностями, особенно богат здесь материал для исторической топографии Петербурга. Разнообразный и интересный отдел арабской литературы

на Северном Кавказе вызвал систематическое внимание только в 30-х годах. Отдельные произведения, особенно из эпохи мюридизма и Шамиля, конечно, привлекались как исторические источники спорадически и раньше, особенно в русских изданиях на Кавказе; однако ими пользовались исключительно в переводах и публиковались они без оригиналов, которые давали бы возможность проверить авторитетность передачи и основательность понимания. Только с 1933 г. начали публиковаться подлинники писем Шамиля и описания относящихся к нему арабских исторических сочинений по материалам, главным образом, ленинградских собраний; большое количество аналогичных памятников обнаружено в Тбилиси Г. В. Церетели, быстро знакомящим с результатами своих находок в тщательно подготовленных изданиях. Музеи таких центров, как гг. Орджоникидзе и Ростова на Дону, тоже обогатили эту литературу сведениями о хранящихся в них фондах. В настоящее время мы имеем возможность подводить некоторые итоги в этом направлении; нам известно по именам уже большинство „арабско-кавказских“ историков; для ряда крупнейших сочинений мы располагаем некоторой рукописной базой с достаточно детальным анализом отдельных списков, которые могут обеспечить критическое издание. Недалеко и то время, когда можно будет дать общий очерк этой литературы в дополнение к известному своду Броккельманна, в котором нет упоминания почти ни об одном авторе из этой среды.

Вообще литературную сторону этих памятников нельзя забывать не только применительно к Кавказу. Нашей арабистике надо помнить, что целый ряд крупных деятелей арабской культуры, писавших по-арабски, вырос в тех странах, которые входят теперь в состав СССР. Довольно назвать философов уроженцев Средней Азии ал-Фараби и Авиценну, выдающегося математика, астронома и минералога хивинца ал-Бируни, кодификатора арабской реторики ас-Секкаки. Изучение творчества таких выдающихся единиц входит, конечно, в общую историю арабской литературы, и мы получили недавно (1930) ценную монографию об одном арабском поэте IX в. — уроженце Согда. Однако изучение и обычной ходовой литературы в этих странах позволяет решить очень важную задачу. Анализ школьной традиции и состава распространенных шаблонных произведений может осветить те пути и каналы, которыми просачивалось и питалось влияние арабско-мусульманской культуры в соответствующих странах. Несомненно, что на всем протяжении территории, подвергшейся влиянию ислама, общий тип нивелирующей культуры был одинаков, но так же несомненно, что каждая страна вносила свои специфические особенности. По каждой из таких областей надо создать труд, который существует на Балканах для выяснения роли уроженцев Боснии и Герцеговины в арабско-турецкой литературе. До сих пор мы имеем только один опыт в этом направлении — характеристику традиционной арабской литературы в Бухаре, данную В. И. Беляевым (1932). Надо этот опыт углубить и расширить на другие области Союза — Татарию, Башкирию, в особенности Северный Кавказ. При настоящем историко-литературном анализе этих материалов мы получим новую главу общей истории арабской литературы — главу, оригинальную и насыщенную содержанием, не только никем не написанную, но даже никем до сих пор не задуманную.

Исследование языка среднеазиатских арабов. В противоположность историкам и исследователям литературы, арабисты-лингвисты нашего Союза, как мы уже говорили, до сих пор лишены были возможности работать у себя над живым материалом в соответствующей языковой среде. Количество представителей арабских стран, находящихся

в СССР, совершенно ничтожно и насчитывается единицами даже в Москве; непосредственные официальные сношения существовали до сих пор только с Йеменом и Хиджазом, причем с нашей стороны участвовали в них тоже только единицы. Начало 30-х годов принесло здесь неожиданное изменение чрезвычайной важности, которое дает и нашим лингвистам возможность принять непосредственное участие в наблюдениях живых арабских говоров в обстановке сплошной языковой массы, притом в такой области, которая до последнего времени оставалась никому не известной, имеет исключительное научное значение и обещает внести некоторый переворот в арабскую диалектологию вообще. Изменение это связано с „открытием“ языка среднеазиатских арабов. О существовании этих арабов было, конечно, известно; производившиеся раньше переписи всегда отмечали наличие их в количестве от 20 до 40 тысяч, главным образом в областях бухарского района и около Самарканда. Некоторые этнографические и антропологические наблюдения над среднеазиатскими арабами были сделаны (М. С. Андреев, Л. В. Ошанин), однако об языке их сведения оставались крайне сбивчивыми даже у местных представителей власти: было неясно, уцелел ли у них в быту родной арабский язык, или они ассимилировались в языковом отношении с окружающей средой — узбекской и таджикской. Во время существования в Ташкенте Восточного института студентами делались попытки записи отдельных слов, которые говорили о несомненном наличии арабских языковых элементов, но вопроса в целом не решили, тем более, что записи остались неопубликованными. В 1929 г. два этнографа (М. М. Измайлова и Н. Н. Бурыкина) имели возможность пробить очень краткий срок в двух арабских кишлаках Бухарского района и произвести там некоторые наблюдения, записав ряд слов, отдельных фраз и небольшое количество текстов. Результаты их поездки были опубликованы в 1930 г. и произвели впечатление выдающегося научного открытия, несмотря на мало удовлетворительный характер записей, объяснявшийся кратковременностью пребывания, отсутствием специальной лингвистической подготовки и невозможностью для авторов лично просмотреть корректуру. Почти во всех семитологических центрах Европы были сделаны сообщения об этом открытии; независимо друг от друга два ученых — шведский (Н. S. Nyberg) и русский (Н. В. Юшманов) — подвергли анализу собранный материал, причем выводы их даже в деталях совпали. С несомненностью было выяснено, что, несмотря на известное насыщение узбекскими и таджикскими элементами, мы имеем дело с живым арабским диалектом, находящимся в прямой связи с другими разговорными диалектами арабских стран, в ближайшую очередь, повидимому, с месопотамским. Появление этих арабов в Средней Азии приходится относить не к эпохе завоевания, а вероятно, к значительно более позднему периоду, может быть ко времени Тимура. Первым серьезным этапом в изучении их диалектов явилась поездка доцента Тбилисского университета, семитолога-лингвиста Г. В. Церетели в 1935 г. в тот же район. Ему удалось собрать уже значительное количество фольклорных записей (главным образом, сказок) и частично их опубликовать; наблюдения выяснили наличие двух, довольно сильно отличающихся один от другого, диалектов, их близость скорее к бедуинским, чем к оседлым диалектам других арабских стран. Летом 1936 г. в Бухарский район была снаряжена Институтом востоковедения экспедиция, которая, помимо сбора лингвистического материала, произвела ряд этнографических наблюдений. На очереди стоит опубликование и обработка богатых научных результатов экспедиции, о которых был сделан ряд докладов и печатание которых в интересах науки необходимо возможно ускорить. С этими результатами

связан план дальнейших работ и направление исследований как в глубину — в сторону ставших теперь известными диалектов, так и в ширину — с охватом диалектов других районов. Дальнейшая работа выяснит объем распространения арабского языка в Средней Азии и количество населения, для которого он остается живым. Ближайшее изучение этих диалектов и всего их окружения позволит установить, в какой мере арабисты могут содействовать культурному подъему этих народностей, в какой мере реальной является идея создания среди них своего литературного языка. Так отвлеченная теория связывается с практикой, и арабская диалектология оказывается необходимой для культурного строительства в пределах нашей страны. Ясно одно, что если бы наши молодые ученые, в процессе своей подготовки, не получили отчетливого представления о современном положении арабской диалектологии в мировой науке, то и среднеазиатские диалекты не были бы „открыты“, а о самом существовании их не подозревали бы и теперь, как не подозревали многие десятки лет до 30-х годов XX века.

* * *

Наш обзор подошел к концу. Конечно, арабистика в богатом комплексе востоковедных дисциплин нашего Союза не может претендовать на такое же место, как те отрасли, которые заняты изучением стран и народов или входящих в состав Союза, или находящихся с ним в непосредственном соседстве. Однако, если вспомнить роль арабской культуры в мировой истории, если подвести итог всем арабским материалам, которые освещают разные стороны в истории жизни нашей родины, то арабистика по праву займет одно из первых мест в этом комплексе. Она сделала не мало для изучения обоих указанных аспектов, и это признано всеми. Для успехов в дальнейшем необходимо иметь соответствующее количество серьезно подготовленных работников иногда по новым, выдвигаемым жизнью нашей страны специальностям. Еще более необходимо находиться на высоте современных научных требований во всех отраслях арабистики, стать образованным арабистом и быть готовым ко всем возникающим вопросам. Только тот арабист может работать плодотворно на пользу своей родины, который владеет всем опытом мировой науки и умеет относиться к нему сознательно и добросовестно.
